

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ.

Наш вечер посвящен беседе о миссии русской эмиграции. Мы, эмигранты, — слово «émigré» к нам подходит как нельзя более. Мы в огромном большинстве своем не изгнанники, а именно эмигранты, то есть люди, добровольно покинувшие родину. Миссия же наша связана с причинами, в силу которых мы покинули ее. Эти причины, на первый взгляд, разнообразны, но в сущности сводятся к одному: к тому, что мы так или иначе не приняли жизни, воцарившейся с некоторым пор в России, были в том или ином несогласии, в той или иной борьбе с этой жизнью и, убедившись, что дальнейшее сопротивление наше грозит нам лишь бесплодной, бессмысленной гибелью, ушли на чужбину.

К 120 летию Ив. БУНИНА

МИССИЯ РУССКОЙ

Миссия — это звучит возвышенно. Но мы взяли и это слово вполне сознательно, памятуя его точный смысл. Во французских толковых словарях сказано: «Миссия есть власть (pouvoir), данная агенту идти делать что-нибудь». А делегат означает лицо, на котором лежит поручение действовать от чьего-нибудь имени. Можно ли употребить такие почти торжественные слова в применении к нам? Можно

только одним своим наличием волюющих против содеянного в России, — были, по прекрасному выражению одного русского писателя, ивиковыми журавлями, разлетевшимися по всему поднебесью, чтобы свидетельствовать против московских убийц. Однако это не все, русская эмиграция имеет право сказать о себе гораздо больше. Сотни тысяч из нашей среды восстали вполне сознательно и действительно против врага, ныне столицу свою имеющего в России, но притязующего на мировое владычество, сотни тысяч противоборствовали ему всячески, в полную меру своих сил, многими смертями запечатлели свое противоборство — и еще неизвестно, что было бы в Европе, если бы не было этого противоборства. В чем наша миссия, чьи мы делегаты?

зывается культом и культурой. Что же с ним сделали? Заплатили за свержение домоправителя полным разгромом буквально всего дома и неслыханным братоубийством, всем тем кошмарно-кровавым балаганом, чудовищные последствия которого неисчислимы и, быть может, вовеки непоправимы. И кошмар этот, повторяю, тем ужаснее, что он даже всячески прославляется, возводится в перл создания и годами длится при полном попустительстве всего мира, который уже давно должен был бы крестовым походом идти на Москву.

Что произошло? Как ни бездумна была революция во время великой войны, огромное число будущих белых ратников и эмигрантов приняло ее. Новый домоправитель оказался ужасным по своей всяческой негодности, однако чуть не все мы грудью защищали его. Но Россия, поджигаемая «планетарным» злодеем, возводящим разнузданную власть черни и все самые низкие свойства ее истинно в религию, Россия уже сошла с ума — сам министр-президент на московском совещании в августе 17-го года заявил, что уже зарегистрировано — десять тысяч зверских и бессмысленных народных «самоустройств». А что было затем? Было величайшее в мире по-

Валентин ЛАВРОВ в канун юбилея великого русского писателя, который имеет быть 22 октября, впервые представляет нашему читателю текст речи, которую Бунин произнес 16 февраля 1924 года в парижском «Сале де географов». Речь эта вызвала громадный резонанс. Присутствовавшие были потрясены ее яростью, словно вырвавшейся из глубин души, истрадавшей за поруганную, оскверненную большевиками Россию. Павел Николаевич Милоков, редактор крупнейшей эмигрантской газеты «Последние новости», опубликовал эту речь с грубыми искажениями. Ее точный текст впервые появился в берлинской газете «Речь» 3 апреля 1924 г. Этот текст мы и воспроизводим.

ЭМИГРАЦИИ

(Речь, произнесенная в Париже 16 февраля)

Да, колеблются устои всего мира, и уже представляется возможным, что мы не двинемся бы с места, если бы развернулось красное знамя даже и над Иерусалимом и был бы выкинут самый Гроб Господень: ведь московский Антихрист уже мечтает о своем: узаконен даже самим римским наместником Христа. Мир одержим еще не бывалой жадой корысти и равнением на толпу, снова уподобляется Тиру и Сидону, Содому и Гоморре. Тир и Сидон ради торгашества ничем не побрегут, Содом и Гоморра ради похоти ни в чем не постесняются. Все растущая в числе и все выше поднимающаяся голова толпы срывает от страсти к наслаждению, от зависти ко всякому наслаждающемуся. И одни (жаждущие попутателя) ослепляют ее блеском мирового базара, другие (жаждущие власти) — разжиганием ее зависти. Как приобрести власть над толпой, как прославиться на весь Тир, на всю Гоморру, как войти в бывший царский дворец или хотя бы увенчаться венцом борца якобы за благо народа? Надо дурочить толпу, а иногда даже и самого себя, свою совесть, надо покупать расположение толпы угождением ей. И вот образовалось в мире уже целое полчище провозвестников «нового же, надо лишить толпу «опиума религии», дать вместо Бога идола в виде человеческого блага, будто бы всеобщего и будто бы равного. Образовалась целая армия профессионалов по этому делу — тысячи членов всяческих социальных партий, тысячи трибунов, из коих и выходят все те, что в конце концов так или иначе прославляются и возвышаются. Но, чтобы достигнуть всего этого, надобно, повторяю, великая ложь, великое угождение, устройство волнений, революций, надо от времени до времени по колену ходить в крови, Главное же, надо лишить толпу «опиума религии», дать вместо Бога идола в виде тельца, то есть, проще говоря, скота. Пугачев! Что мог сделать Пугачев? Вот «планетарный» скот — другое дело. Выродок, нравственный идиот от рож-

дения, Ленин явил миру как раз в самый разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее; он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек — и все-таки мир уже настолько сошел с ума, что среди бела дня спорят, благодетель он человечества или нет? На своем кровавом престоле он стоял уже на четвереньках; когда английские фотографы снимали его, он поминутно высовывал язык:

трупа и какую лютую ненависть приобрела она после этого ко всем красноармейцам: лишь только завидит вдали красноармейскую шинель, тотчас же выхрем несется, захлебываясь от яростного лаля! Я прочел это с ужасом и восторгом и вот молю Бога, чтобы Он до моего последнего издыхания продлил во мне подобную же собачью святую ненависть к русскому Кайну. А моя любовь к русскому Авелю не нуждается даже в молитвах о

И. С. Антонова — «Мисс Россия», И. А. Бунин, г-жа Матье, В. Зинищев, г-жа Волыке, столяр г-жа Мессе

ли говорить, что мы чьи-то делегаты, на которых возложено некое поручение, что мы представляем за кого-то? Цель нашего вечера — напомнить, что не только можно, но и должно. Некоторые из нас глубоко устали и, быть может, готовы, под разными злостными влияниями, разочаровавшись в том деле, которому они так или иначе служили, готовы назвать свое пребывание на чужбине никчемным и даже заторным. Наша цель — твердо сказать: поднимите голову! Миссия, именно миссия, тяжкая, но и высокая, возложена судьбой на нас.

Нас, рассеянных по миру, около трех миллионов. Исключите из этого громадного числа десятки и даже сотни тысяч попавших в эмигрантский поток уже совсем несознательно, совсем случайно; исключите тех, которые, будучи противниками (вернее, соперниками) нынешних владык России, суть, однако, их кровные братья; исключите их пособников, в нашей среде пребывающих лишь с целью позорить нас перед лицом чужеземцев и разлагать нас; останется все-таки нечто такое, что даже одной своей численностью говорит о страшной важности событий, русскую эмиграцию создавших, и дает полное право пользоваться высоким языком. Но численность наша еще далеко не все. Есть еще нечто, что присваивает нам некое назначение. Ибо это нечто заключается в том, что поистине мы некий грозный знак миру и посланные борцы за вечные, божественные основы человеческого существования, ныне не только в России, но и всюду пошатнувшиеся.

Если бы даже наш исход из России был только инстинктивным протестом против душегубства и разрушительства, воцарившегося там-то, и то нужно было бы сказать, что легла на нас миссия некоего указания: «Взгляни мир на этот великий исход и осмысли его значение. Вот перед тобой миллион из числа лучших русских душ, свидетельствующих, что далеко не вся Россия примет власть, низость и злодеяния ее захватчиков; перед тобой миллион душ, обреченных в глубочайший траур, душ, коим было дано видеть гибель и срам одного из самых могущественных земных царств и знать, что это царство есть плоть и кровь их, дано было оставить дома и гробы отчие, часто поруганные, оплакать горчайшими слезами тысячи и тысячи безвинно убиенных и замученных, лишиться всяческого человеческого благополучия, испытать врага столь подлого и свирепого, что нет имени его подлости и свирепству, мучиться всеми казнями египетскими в своем отступлении перед ним, восприняв... все мыслимые унижения (...) на путях чужеземного скитальчества: взгляни, мир, и знай, что пишется в твоих летописях одна из самых черных и, быть может, роковых для тебя страниц».

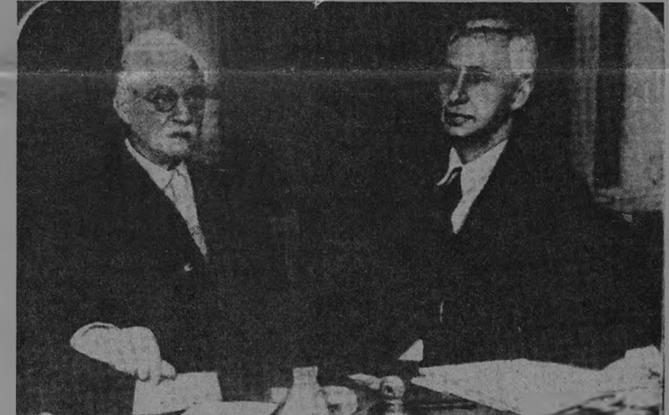
От чьего имени дано нам действовать и представлять? Поистине действительности, несмотря на все наши человеческие падения и слабости, от имени нашего Божеского образа и подобия. И еще — от имени России: не той, что предала Христа за тридцать сребренников, за разрешение на грабеж и убийство и погрязла в мерзости всяческих злодеяний и всяческой нравственной проказы, а России другой, подъяремной, страдающей, но все же до конца не покоренной. Мир отвернулся от этой страдающей России, он только порою уподобился тому римскому солдату, который поднес к устам Распятого губку с уксусом. Европа мгновенно задавила большевизм в Венгрии, не пускает Габсбургов в Австрию, Вильгельма в Германию. Но, когда дело идет о России, она тотчас вспоминает правило о невмешательстве во внутренние дела соседа и спокойно смотрит на русские «внутренние дела», то есть на шестилетний погром, длящийся в России, и вот дошла даже до того, что узаконяет этот погром. И вновь, и вновь исполняется таким образом слово Писания: «Вот выйдут семь коров тощих и пожрут семь коров тучных, сами же оттого не станут тучнее... Вот тьма покрет землю и трун — народы... И лицо поколения будет собачье...» Но тем важнее миссия русской эмиграции.

Что произошло? Произошло великое падение России, а вместе с тем и вообще падение человека. Падение России ничем не оправдывается. Неизбежна была русская революция или нет? Никакой неуязвимости, конечно, не было, ибо, несмотря на все эти недостатки, Россия цвела, росла, со сказочной быстротой развивалась и видоизменялась во всех отношениях. Революция, говорят, была неизбежна, ибо народ жаждал земли и таял ненависть к своему бывшему господину и вообще к господам. Но почему же эта будто бы неизбежная революция не коснулась, например, Польши, Литвы? Или там не было барина, нет недостатка в земле и вообще всяческого неравенства? И по какой причине участвовала в революции и во всех ее зверствах Сибирь с ее допотопным обилием крепостных уз? Нет, неизбежности не было, а дело было все-таки сделано, и как и под каким знаменем? Сделано оно было ужасающим, и знамя их было и есть интернациональное, то есть претендующее быть знаменем всех наций и дать миру, взамен синайских скрижалей и Нагорной проповеди, взамен древних божеских уставов, нечто новое и дьявольское. Была Россия, был великий, лопившийся от всякого скарба дом, населенный огромным и во всех смыслах могучим семейством, созданный благословенными трудами многих и многих поколений, освященный богопочтением, памятью о прошлом и всем тем, что на-

прание и бесчестие всех основ человеческого существования, начавшееся с убийства Духовина и «похабного мира» в Бресте и докатившееся до людоедства. Планетарный же злодей, осененный знаменем с издевательским призывом к свободе, братству и равенству, высоко сидел на шею русского дикаря и весь мир призывал в грязь топтать совесть, стыд, любовь, милосердие, в прах дробить скрижали Моисея и Христа, ставить памятники Иуде и Кайну, учить «Семь заповедей Ленина». И дикарь все дробил, все топтал и даже дерзнул на то, чего ужаснулся бы сам дьявол: он вторгся в самую Святую святых своей родины, в место того страшного и благословенного таинства, где века почивал величайший Зиждитель и Заступник ее, коснулся раки Преподобного Сергия, гроба, перед коим веками повергались целые сонмы русских душ в самые высокие мгновения их земного существования. Боже, и это вот к этому самому дикарю должен я идти на поклон и служение? Это он будет державным хозяином вся новой Руси, осуществившим свои «завещанные чаяния» за счет соседа, зарезанного им из-за подлости лишней «земельки»? В прошлом году, читая лекцию в Сорбонне, я приводил слова великого русского историка Ключевского: «Конец русскому государству будет тогда, когда разрушатся наши нравственные основы, когда погаснут лампады над гробницей Сергия Преподобного и закроются врата Его Лавры». Великие слова, ныне ставшие ужасными! Основы разрушены, врата закрыты и лампады погашены. Но без этих лампад не бывает русской земле — и нельзя, преступно служить ей в тьме.

Редкие фото из собрания Валентина Лаврова. Перепечатка воспрещается.

ничего не значит, спорят! Сам Семашко брякнул сдуру во всеуслышание... что в черепе этого нового Навуходносора нашли зеленую жижу вместо мозга; на смертном столе в своем красном гробу он лежал, как пишут в газетах, с ужаснейшей гримасой на серо-желтом лице: ничего не значит, спорят! А соратники его, так те прямо пишут: «Умер новый бог, создатель Нового Мира, Демург!» Московские поэты, эти содержанцы московской красной блудницы, будто бы родящие новую русскую поэзию, уже давно пели:

поддержании ее. Пусть не всегда были подобны горному снегу одежды белого ратника, — да святится вовеки его память! Под триумфальными вратами галльской доблести неугаσιμο пылают жаркое пламя над гробом безвестного солдата. В дикой и ныне мертвой русской степи, где почивает белый ратник, тьма и пустота. Но знает Господь, что творит. Где те врата, где те пламя, что были бы достойны этой могилы? Ибо там гроб Христовой России. И только ей одной поклониться я в день, когда Ангел отвалит камень от гроба ее.

Иисуса на крест, а Варраву — Под руки и по Тверскому... Кометой по миру вытяну язык, До Египта раскорячу ноги... И если все это соединить в одно — и эту матерщину, и шестилетнюю державу блеяного и хитрого маньяка, и его высывающийся язык, и его красный гроб, и то, что Эйфелева башня принимает радио о похоронах уже не просто Ленина, а нового Демурга, и о том, что Град Святого Петра переименовывается в Ленинград, то охватывает поистине библейский страх не только за Россию, но и за Европу: ведь негитто раскорячиваются действительно очень далеко и очень смело. В свое время непременно падет на все это Божий гнев, — так всегда бывало. «Се аз восстану на тя, Тир и Синоп, и низведу тя в пучину моря...». И на Содом и Гоморру, на все эти Ленинграды падет огонь и сера, а Сион, Селим, Божий Град Мира, пребудет вовеки. Но что же делать сейчас, что делать человеку вот этого дня и часа, русскому эмигранту?

Будем же ждать этого дня. А до того да будет нашей миссией не сдаваться ни соблазнам, ни окрикам. Это глубоко важно и вообще для неправедного времени сего, и для будущих праведных путей самой же России. А кроме того, есть еще нечто, что гораздо больше даже и России, и особенно ее материальных интересов. Это — мой Бог и моя душа. «Ради самого Иерусалима не отречусь от Господа!» Верный еврей ни для каких благ не отступит от веры отцов. Святой Князь Михаил Черниговский шел в Орду для России, но и для нее не согласился он поклониться идолам в ханской ставке, а избрал мученическую смерть. Говорили — скорбно и трогательно — говорили на древней Руси: «Подождем, православные, когда Бог переменит Орду». Давайте подождем и мы. Подождем соглашаться на новый «похабный мир» с нынешней ордой.

Ив. БУНИН.

ОТ РЕДАКЦИИ. Эта речь была опубликована в последнем номере «Литературной России». Мы насчитали более 120 грубых текстологических искажений. Очень жалко!